

4. Барулин В.С. Социально-философская антропология. М., 1994.
5. Белик А.А., Резник Ю.М. Социокультурная антропология (историко-теоретическое введение). М., 1998.
6. Весна Е.Б. Понятия «личность» и «индивидуальность» в понятийном пространстве, описывающем человека // Мир психологии. 1999. № 4.
7. Кон И.С. Социологическая психология. М., 1999.
8. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999.
9. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
10. Лосский Н.О. Характер русского народа. М., 1990.
11. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб., 1999.
12. Олпорт Г. Личность в психологии. СПб., 1998.
13. Ольшанский В. Личность в российской социологии и психологии // Социология в России. М., 1998.
14. Платонов К.К. Структура и развитие личности. М., 1986.
15. Резник Т.Е., Резник Ю.М. Жизненные стратегии личности: поиск альтернатив. М., 1995.
16. Резник Ю.М. Гражданское общество как феномен цивилизации. Ч. 2. М., 1998.
17. Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. Социальная онтология. М., 1999.
18. Резник Ю.М. Человек и общество // Личность. Культура. Общество. 2000. Т. 2. Вып. 3.
19. Русская идея. М., 1992.
20. Толстых А.В. Личность: историческая семантика и проблема понятийного определения // Философские исследования. 1995. № 3.
21. Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990.
22. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности (Основные положения, исследования и применение). СПб., 1997.
23. Юнг К. Психологические типы. СПб., 1995.
24. Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ КРЕДО

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ НА ПУТИ К ЧЕЛОВЕКУ

(интервью с проф. В.С.Барулиным)

Предлагаем Вашему вниманию новую встречу в рубрике «Профессиональное кредо». Представляя ее героя, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор Ю.М.Резник подчеркнул, что это, пожалуй, один из самых известных в России социальных философов, автор получившей широкий отклик концепции, чье имя цитируется практически во всех диссертациях по философии и ряду смежных наук, ставший в последние годы родоначальником социально-философской антропологии.

Итак, перед Вами интервью доктора философских наук, профессора Владимира Семеновича Барулина.

Расскажите, пожалуйста, о начале своего жизненного пути. Где Ваша малая Родина? Чем Вы обязаны ей и Вашим родным, учителям, друзьям?

Спасибо за добрые слова. Я родился в тридцать первом году, в начале Великой отечественной войны мне было десять лет. В 1945 году я был уже сравнительно взрослым, помню победу, это совершенно особенное переживание, которое ни с чем не сравнить, да и нельзя сравнивать. Недавно я закончил работу над книгой, я скажу о ней позже, «Русский человек в XX веке». Эта книга посвящена судьбе русского человека в советский период. Я вырос в советское время, это мое время, моя жизнь, но я очень критически отношусь к этому периоду, потому что познал и хорошее, и плохое. Это время и тирании, и энтузиазма. Период Великой отечественной войны, пожалуй, единственный, который можно оценить как безусловный взлет духовной силы всего нашего общества, нашего народа.

Я родился на Украине, в Херсонской области, моя малая Родина — знаменитая Каховка. Недалеко от нее в районном центре Переславле я окончил школу, там прошло начало моей жизни.

Путевку в жизнь мне дали, конечно, родители. Я из учительской семьи, и папа, и мама — учителя. Их, к сожалению, уже нет в живых. Отец работал директором педагогического училища, заврайоно, заслуженный учитель Украины, награжден медалью. Я считаю, что учительские семьи имеют особый склад, связанный с хорошей интеллектуальной атмосферой, нравственной чистотой, честностью.

Мой отец был очень интересным человеком. В свое время он окончил Киевский университет, и его юность и ранние годы прошли в Одессе. Одесса начала XX века — это Е.Петров, Э.Багрицкий, Вера Зингер, и еще целый ряд людей, в том числе один из ближайших друзей моего отца Юрий Олеша. Отец впитал эту одесскую атмосферу, отразившуюся потом в творчестве И.Ильфа и Е.Петрова, он был очень веселым и остроумным человеком, рождал фонтан шуток, розыгрышей, юмора.

С чего началась Ваша научная биография? Что послужило толчком в Вашем становлении как философа и исследователя?

Школу я окончил с золотой медалью и поступил в 1949 году на философский факультет Киевского госуниверситета им. Т.Г.Шевченко. В 1954 году получил диплом с отличием. Я считаю, что наши преподаватели дали нам основательные общеполитические знания. Мы глубоко изучали основные философские проблемы, а не только «кто, что сказал», отдельные авторские концепции. Моими учителями были — В.Шинкарук, В.Басенко. С нашего курса вышло несколько очень известных философов как А.Яценко, В.Горский, Ф.Рудич, А.Нелеп, И.Бычко, М.Бычваров — вице-президент болгарской Академии наук.

Однако, хотя учиться очень хорошо, тем более что молодость всегда хороша, это было сложное время. 1949–54 годы можно назвать вершиной догматизма. Любого студента могли обвинить в украинском буржуазном национализме и на этом основании посадить. Идеологические кампании бесконечно прокатывались по факультету. Мы были молоды, искренне и наивно верили в ту идеологию. Невольно мы втягивались в эти идеологические манипуляции. Например, меня и еще одного студента, Всеволода Колотько, обвинили в том, что вместо изучения трудов товарища Сталина мы увлеклись чуждой идеологией гегельянства, хотя мы только собирались читать Г.Гегеля, чем даже на самом деле читали, не говоря уже об «увлечении». Однако этого было достаточно, чтобы меня после окончания университета не взяли в аспирантуру (а ведь у меня за весь период моего обучения не было ни одной четверки).

Поэтому на сегодняшнюю ситуацию, на обретенную меру свободы, я смотрю с оптимизмом. Для духовного творчества это счастливое, плодотворное время. Мне скоро семьдесят лет, и меня есть с чем сравнить.

По окончании университета я работал в педагогическом институте г. Луцка Волынской области, на Западной Украине, затем поступил в аспирантуру в Москве, защитил кандидатскую диссертацию и был направлен по распределению в Сибирь. С 1960 по 1977 год я работал в Алтайском крае, в г. Барнауле. Возглавлял кафедру, защитил докторскую диссертацию¹.

Я должен сказать, что это был один из самых счастливых периодов в моей жизни. Молодость, росли дети, был свой коллектив, аспиранты, мы начинали очень интересные дела.

Тема моей докторской диссертации — «Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма». Защита проходила в Институте философии Академии наук СССР. Затем эта работа была издана в Барнауле, что оказалось довольно сложно, понадобилось специальное разрешение ЦК (книга рецензировалась в Академии общественных наук при ЦК КПСС). Я вносил много правок. Но так получилось, что в типографии многие из них так и не внесли. Это книга до сих пор мне очень дорога.

Вообще, у каждой книги своя судьба. Можно быть умнее своей книжки, можно идти вровень с нею, а можно быть глупее. В жизни диалектика книг и диалектика человеческой судьбы — это, в общем-то, разная диалектика. Но это была моя первая монография. С нее началась и продолжалась моя карьера. В 1977 году меня перевели в Московский университет, в Институт повышения квалификации преподавателей общественных наук, где я до сих пор, уже 23 года работаю.

Чем я могу гордиться? Тогда я был единственным преподавателем с периферии, которому Московский университет дал свой лимит на прописку и вступление в кооператив.

А как Вы думаете, сегодня Вы смогли бы, работая в Барнауле обычным профессором философии, переехать в Москву на тех же условиях?

Думаю, что да.

¹ Более подробно об этом периоде творчества В.С.Барулина смотрите в книге: Алтайская социологическая школа: история, современность, перспективы развития. Барнаул, 2000. С. 27–33.

Я не жалею о барнаульской жизни. Это была очень светлая полоса моей жизни. Переезд в Москву — это новые возможности. В Москве, конечно, работать интереснее, но несоизмеримо тяжелей, сложнее условия и отношения, больше интриг.

Итак, я оказался в Москве. Какое-то время (семь лет) я заведовал кафедрой, потом понял, что это мешает мне заниматься научной работой, и перешел на должность профессора.

С чего Вы начали работать как философ и почему выбрали именно этот путь?

Честно говоря, не могу объяснить, почему меня потянуло в философию, но потянуло. Философский факультет привлек своей таинственностью, скрытой красотой.

Я всю жизнь работал преподавателем, а затем профессором вуза.

Изданный мной курс по социальной философии был сделан на основе двух томов стенограмм (600–700 страниц) лекций, прочитанных на юридическом факультете Алтайского государственного университета. Эти тома я до сих пор храню и иногда с удовольствием перечитываю, они такие непосредственные, живые. В них не только лекции, но и их обсуждения на кафедре, дискуссии, выступления аспирантов, которые теперь уже сами стали докторами наук.

Мои научные работы выросли из преподавательской деятельности, из потребности систематизировать материал. Хочешь ты или не хочешь, но если ты читаешь курс философии в вузе, то каждый год ты должен пробежать весь этот курс, каждый год ты должен думать над его целостностью. Его нельзя читать по кусочкам, надо иметь представление о целом. Это рождало у меня стремление к научной работе над общими проблемами. Когда же я приехал в ходе подготовки докторской диссертации стажироваться в сектор исторического материализма Института философии РАН (где я потом и защищался), то меня поразило, что вокруг были высококлассные специалисты, великолепно знакомые и с отечественными, и с зарубежными источниками, но в какой-то относительно узкой области знания. У меня же не было какой-то одной узкой проблемы, я занимался общими вопросами.

Не могу не сказать, что именно в Институте философии я встретил тех учителей, ту среду, которая меня сформировала как ученого. Это — Владислав Жанович Келле, Матвей Яковлевич Кавальзон, Александр Константинович Уледов. Именно с ними связана моя научная судьба.

Каково Ваше отношение сегодня к марксизму и историческому материализму?

Могу сказать однозначно, я считаю себя марксистом. Я думаю, что марксизм, в частности социальная философия марксизма, это — одна из вершин мировой философской культуры. Как любая концепция, созданная в определенный исторический период, марксизм очень неоднороден, поэтому у его основоположников, в частности, у К.Маркса, есть идеи, которые рассчитаны на века, а есть идеи, отражающие реалистически, умонастроения исторического времени, которые сегодня воспринимаются как ошибочные. К марксизму не надо относиться как к чему-то застывшему. Это — живое учение, которое мы должны развивать. Какие-то положения Маркса надо критиковать, от каких-то положений следует отказываться, а какие-то — интерпретировать по-новому.

Из марксистских работ мне лично больше всего нравятся экономические рукописи Маркса. На мой взгляд, это вершина методологического проникновения в предмет, свободное течение мыслей автора. Его свободные комментарии просто захватывают вас.

Когда я учился, приверженность марксизму не была проблемой выбора, это была единственно возможная в то время форма философии. Марксизм навязывался. Такое отношение к марксизму я отвергаю, точнее, отвергаю ту социальную среду, которая заставляет к нему относиться именно так, когда нет никакого другого пути, альтернативы. Но если марксизм является проблемой свободного выбора философа, который знает разные течения и выбирает то, что ему предпочтительно, то такой выбор я считаю нормальным и достойным. Кроме того, я отделяю от марксизма ленинизм, последний я не принимаю, как и упрощенную форму марксизма, какую он часто приобретал в советское время.

Расскажите, пожалуйста, об основных этапах Вашей научной биографии.

Моя научная биография, как вы уже поняли, складывалась от книги к книге. Первая, как и кандидатская диссертация, называлась «Отношение материального и идеального в обществе как проблема исторического материализма» (Барнаул, 1969). О ее судьбе я уже говорил. Спустя семь лет, в 1977 году она была издана в переработанном и сильно сокращенном виде как «Соотношение материального и идеального в обществе» в Москве «Политиздатом». В центре внимания в ней было поставлено общество как сложный, многоуровневый, но целостный ор-

ганизм, проблема материального и идеального в этом обществе. Эта проблема, как бы к ней не относились, как бы ее не решали, существует. Не случайно, если вы посмотрите содержание Государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по дисциплине «Философия», то убедитесь, что она нашла и там свое место. При анализе проблем общественной жизни обязательно приходится решать связанные с ней вопросы. Моя книга была посвящена тому, каковы отношения материального и идеального в разных плоскостях общественной жизни — как целостности, в отдельных структурных элементах, в конкретных эмпирических областях.

Оказалось, что отношение «материальное — идеальное» — это своеобразный методологический ключик, который позволяет отделять один уровень общественной жизни от другого, в зависимости от того, принимает ли оно форму абсолютного или относительного противопоставления, или же материальное и идеальное существуют слитно. На одном уровне первично материальное, на другом — идеальное. Решаемый таким образом вопрос о соотношении материального и идеального позволял мне и моим коллегам ставить не только философские задачи, но и социологические. Кафедра философии Алтайского госуниверситета, которую я возглавлял, одна из первых начала проводить социологические исследования, именно благодаря наличию у нас соответствующей, новаторской для нашей страны, методологии. Таков был первый этап моей научной работы, 1960–70-е годы.

На втором этапе, в 70–80-е годы меня интересовали более конкретные вопросы, диалектика сфер общественной жизни.

Намек на возможность выделения четырех сфер общественной жизни (материальной, социальной, политической, духовной) есть у К.Маркса. Я попытался дать характеристику того, что такое сфера, какие причинные и функциональные отношения их связывают. Этому посвящена моя следующая монография «Диалектика сфер общественной жизни», вышедшая в 1982 году в Москве, в издательстве МГУ. А затем я подробнее изучил и описал одну сферу — социальную — в работе «Социальная жизнь общества. Вопросы методологии» (М.: Изд-во МГУ, 1987).

В этот период вышла еще одна моя книга, обобщающая развитие исторического материализма в СССР, она была переведена на несколько языков — от эстонского до китайского.

Сейчас многие критикуют мою концепцию, не обращая внимания на то, что я отнюдь не свожу всю структуру общественной жизни к че-

тырем названным сферам и никогда не утверждал, что общество состоит только из них и никаких других элементов в нем нет. Общество несомненно более сложный объект. Поэтому, с моей точки зрения, основные сферы — это те четыре, которые я выделил, но есть еще и не основные, их число относительно, всего может оказаться и пять, и десять. Однако в любом обществе мы находим материальное производство, политику, область социальных отношений наций и классов, духовную жизнь. Это — некоторые отдельные реальности. Сферы общественной жизни взаимопронизывают друг друга. Это не классы явлений, а особые типы закономерностей, которые управляют этими явлениями. Есть закономерности, действующие преимущественно в сфере материального производства, есть особые закономерности социальной сферы, есть специфические законы политико-управленческой деятельности.

Другой вопрос, что это не все реальности и само общество многокачественно, поэтому его можно описывать с помощью различных наборов элементов. Можно выделить системный, жизненный миры и гражданское общество или личность, культуру и общество. Нашей целью должно быть многогранное, в разных аспектах понимание общественной жизни. И с этой точки зрения мне непонятно, почему, утверждая один подход, надо обязательно перечеркивать все остальные. Пусть, как говорят в Китае, расцветает сто цветов.

Итак, если на первом этапе я рассматривал общество с точки зрения соотношения материального и идеального, на втором — выделил его структуру и элементы, то в работах 80–90-х годов, которые можно считать третьим этапом моего научного творчества, я предпринял попытку осмыслить исторический материализм, социальную философию как целостную универсальную систему. В результате появился двухтомный учебник по социальной философии и другие книги.

Самое интересное в моей научной биографии началось именно в эти годы. Наступило время перестройки, время перемен. У меня было, если можно так сказать, «весеннее» мироощущение. Мое постоянное сопротивление догматизму выразилось в желании пересмотреть место человека в социальной философии.

Социальная философия, в том числе философия исторического материализма, всегда была философской концепцией общества. Анализ и понимание общества были центральной проблемой, начиная с XIX века, будь то работы Г.Гегеля, К.Маркса, О.Конта, Г.Спенсера и так далее до настоящего времени. Вводя проблему человека в различные те-

мы — материального производства, классовой структуры и т.д. — я видел, что при таком подходе человек все равно остается на заднем плане, невозможно обосновать его целостность, автономию как субъекта.

Поэтому родилось стремление создать такую философско-методологическую концепцию, в которой бы на первом плане стоял человек; в которой не общество творило бы человека, а, наоборот, человек творил общество и через это сотворенное общество развивался сам. Вот так родилась идея социально-философской антропологии. Не просто социальной философии как учения о человеке, об обществе, не просто антропологии как учении о человеке вообще, а именно социально-философской антропологии. Как человек живет в обществе, создает это общество, преодолевает его, опирается на него и развивается в нем. Эти идеи воплотились в книге «Социально-философская антропология» (М., 1994). Наличие гранта помогло мне не отвлекаясь ни на что сделать эту работу в указанные сроки.

На мой взгляд, основное значение этой книги состояло в созданных ею исследовательских импульсах, в дискуссиях, которые она вызвала, задав новое поле поиска. Работая над ней, я тоже многое переосмыслил. Раньше у меня было впечатление, что социальная философия — это некое потенциально всеобъемлющее, универсальное учение, которое со временем вберет в себя все социально-философские проблемы общества и человека. Вот эта желтенькая книжечка — «Социально-философская антропология» — убедила меня не в том, что социальная философия неправильна или ложна, а в том, что социальная философия как любая наука имеет свои пределы. Следовательно, может быть много разных философских наук об обществе и человеке. Необходимы многомерные и взаимодополняющие подходы. Тогда мы сможем показать специфику социально-философских и философско-антропологических закономерностей, в том числе и место материального, сознания, решать целый ряд других проблем.

Я был захвачен антропологической идеей и одновременно пытался и себе, и своим слушателям, студентам ответить на вопросы: в каком обществе, в какой среде мы живем? И какие, собственно, мы? Так началась работа над книгой «Российский человек в XX веке. Потери и обретение себя» (СПб., 2000). Она написана с либеральных позиций. Существовавшее в нашей стране общество я называю «системой партийно-государственного абсолютизма», а человека в этом обществе рассматриваю как в определенной степени поработанного человека.

Я считаю, есть два типа противоречий человека и общества. Один зафиксирован почти во всех пособиях — это противоречия классовые. Но есть и другой тип. Противоречие человека и всей общественной системы. История России в XX веке шла под знаком развития именно этого противоречия: человека и всей системы абсолютизма. Советский Союз был разрушен потому, на мой взгляд, что внутри страны обострилось противоречие человека и общества, человек в тех рамках, которые сложились, существовать не мог. Распад этой системы был результатом развития внутренних социально-антропологических противоречий, которые назрели в нашем обществе. Такова идея этой книги. Она очень дискуссионная. Я писал ее, споря с самим собой, со своими друзьями и близкими, со своим прошлым, которому я, безусловно, принадлежу.

В целом, мне в последнее десятилетие пришлось работать интенсивно, причем сразу в трех жанрах и трех парадигмах: социальная философия, социально-философская антропология и прикладное по своей сути исследование российского человека. Положительным моментом всей своей научной работы я считаю ее обобщающий характер. Конечно, это ведет и к определенным неизбежным издержкам, например, налету схематизма.

Я не могу жаловаться, что мои работы, мое творчество не замечены. Иногда я жалею, что не полностью реализовался, но при этом знаю, что работал с полной отдачей, делал все, что мог. Конечно, хочется сделать больше. Надеюсь, что мои идеи будут работать — с помощью книг, учеников.

Как Вы относитесь к современной молодежи?

С моей точки зрения, молодежь сегодня нормальная, естественно, разная. Хорошо в ней то, что она более раскована, внутренне свободна, менее закомплексована, больше ориентирована на себя. Не надо ей мешать. Мои студенты и внуки иногда ставят меня в тупик своими вопросами, читают книги, каких мы и не знали. Во всех поколениях есть и аморальные, асоциальные индивиды, но в целом современная молодежь мне нравится. Я рад был этой встрече со студентами Института социальной инженерии МГУДТ, желаю вам всех успехов.

Большое спасибо! Желаем Вам успехов, а Вашим книгам, которые действительно рождают дискуссии, будят мысль, заставляют увидеть новые направления научного поиска, долгой жизни.